

Хозяин Чжу из мясной лавки на западном рынке привык заканчивать дела рано.

Самое жаркое время для него — рассвет. Еще до часа Кролика, когда небо едва начинает сереть, он уже точит ножи и забивает свиней. Как только дело сделано, у ворот его заднего двора выстраиваются повозки: постоянные дворы, трактиры и мелкие лавки спешат забрать свежий товар. Расчет — сразу, на месте. То, что остается, торговец выносит на прилавок, чтобы распродать за утро городским обывателям.

Обычно лишь к часу Дракона, смыв с себя липкую грязь и кровь, он может наконец спокойно проглотить плошку горячего завтрака. Жители окрестных домов любят закупаться пораньше, так что к полудню торговля затихает. В послеобеденные часы в лавке почти никого не бывает — самое время прикорнуть прямо за прилавком до часа Петуха, когда приходит пора закрываться, чтобы после сытного ужина и кувшина вина завалиться спать.

Впрочем, такая размеренная жизнь выпадала ему нечасто: то и дело приходилось выезжать в деревню закупать скот. Раньше он брал свиней у односельчан, но когда дело пошло в гору, мясник не поскупился и купил в родных краях кусок земли. Теперь скотину там выращивали его родители. Сам Чжу давно перебрался в город, но не терял связи с корнями: платил соседям, чтобы те откармливали поросят под присмотром его стариков.

Если кто из деревенских растил свиней на продажу, он тоже забирал их, стараясь распределить забой так, чтобы в его лавке свежее мясо не переводилось круглый год.

От простого подмастерье до владельца собственного дела — этот человек прошел долгий путь в двадцать лет. Он знал о своем ремесле всё: как растить, как забивать и как выгодно продать.

И хотя и деревенские, и городские порой кривили носы, называя его «убойщиком», хозяин лавки лишь посмеивался в усы. Он-то знал, сколько серебра оседает в его кошельке за год. Правда, и траты были немалые: львиная доля уходила на то, чтобы «смазать колеса» наверху. «Ледяное почтение» летом, «угольное почтение» зимой, подарки к именинам префекта и его родни — без этого в торговле никак.

— Эх, всё-таки чиновником быть лучше, — проворчал Чжу, поудобнее устраиваясь в кресле.

Его отец был простым пахарем, а сам он, развернув дело, перешел в сословие торговцев. И пусть денег у него было больше, чем у иного грамотея, он не смел выставлять богатство напоказ: в паланкине не разъезжай, шелка носи разве что в виде исподнего, как его жена — чтобы под верхней одеждой не видно было. Да и дом у него — старый просторный двор в глухом закоулке, никакой пышности, не ровен час навлечешь беду.

Ему уже тридцать шесть. На сына в плане учебы надежды никакой — тот пошел в отца, только и может, что свиней резать да мощну копить. Остается уповать на внуков: может, хоть они

когда-нибудь выбьются в люди.

Негоже, чтобы из рода в род над ними тяготело клеймо торговцев, заставляя гнуть спину и заискивающе улыбаться перед каждым стражником. Все мы люди, так почему одним суждено ходить с прямой спиной, а его роду — вечно кланяться? Взять хотя бы того нищего книжника по соседству: за душой ни гроша, а всё туда же — смотрит свысока только потому, что знает пару сотен иероглифов.

Проучить такого — раз плюнуть, но в торговле положено улыбаться. Чжу на своем веку натерпелся всякого, старался не принимать обиды близко к сердцу, но в глубине души всё же побаивался: а ну как этот задохлик и впрямь когда-нибудь выбьется в люди, сдаст экзамен на цзюйжэня? Вот тогда беды не оберешься.

«А вот Учёный Гу — человек другой закваски. С ним и поговорить приятно»

Мясник приподнялся в кресле и глянул на улицу. Ученик еще не вернулся, и он снова откинулся назад.

Десять вэней за бадью потрохов — разве это деньги для него? Даже если супруг Учёного Гу на этом заработает, Чжу не жалко — пусть это будет заделом на будущее знакомство. Сколько мяса у него за год стражники забирают даром? В глаза «братьями» величают, а за глаза всё тем же «убойщиком» попрекают.

«Если у меня когда-нибудь будет внук, а Учёный Гу к тому времени не продвинется выше сюцяя... Я ведь столько лет отдавал им потроха почти даром, неужто он откажет и не возьмет мальчишку в ученики?»

Книжники с учеными степенями редко берут в ученики детей из торговых семей. А если и берут, то всё равно делят их на сорта: мясники — самое дно, сколько ни плати, всё равно будут презирать.

Чжу предавался раздумьям — когда делать нечего, в голову лезет всякая всячина. Наконец подмастерье вернулся. Зайдя в лавку и увидев дремлющего учителя, он хотел было прошмыгнуть мимо на цыпочках, но тот, не открывая глаз, негромко спросил:

— Ну, где товар?

— Учитель, вы не спите? — малец замер и неловко заулыбался. — Я ходил, но в лавке Ли всё уже продали.

— Как продали?

Хозяин мгновенно сел в кресле. Подмастерье, боясь получить увесистый подзатыльник, не

смел бежать и стоял как вкопанный.

— Учитель, видит бог, я не лентяйничал! Бежал во всю прыть. Как только на Гранатовую улицу свернул, сразу понял: у Ли толпа стоит. Сказали, два котла лувэя разлетелись меньше чем за полчаса!

— Меньше чем за полчаса?!

— Клянусь, учитель, я не вру! Разметают вмиг, — малец жалобно скривился. — Местные всё подчистую выгребли. Говорят, люди даже издалека прибежали, да ушли ни с чем. Пытались деньги оставить, чтобы на завтра придержали, но Учёный Гу отказал. Сказал, никаких предзаказов, только живая очередь: два котла в день, кто успел — тот и съел.

— А запах? Ты хоть запах-то почувствовал? Вкусно пахнет?

— Э-э... — подмастерье наморщил лоб, пытаясь вспомнить. — Я видел, как котлы мыли — выскоблены до блеска, ни крошки не осталось. Запаха особого не почувял, но вся улица в один голос твердит: объедение!

Любопытство мясника разгорелось не на шутку. Но раз нет — значит нет, придется ждать завтрашнего дня.

«Завтра, когда супруг Учёного Гу придет за потрохами, надо будет замолвить словечко. Вдруг получится порцию выгадать?»

Но раз Гу сказал: «без предзаказов», значит, так тому и быть. Пошлет ученика пораньше, пусть в очереди стоит. Чжу хотел завязать дружбу, а не нарушать порядки в чужом доме.

— Учитель, лувэй я не купил, но вот что разузнал, — затараторил подмастерье. — Вы же гадали, почему лавка называется «Ли», а не по фамилии мужа? Так вот, оказывается, Учёный Гу — муж-зять! Он в семью Ли зашел как чжуйсуй... Кто бы мог подумать, что книжник на такое пойдет.

Не успел он договорить, как Чжу отвесил ему легкий пинок и строго произнес:

— Запомни раз и навсегда: не смей чесать языком за спиной у грамотных людей, особенно у тех, кто имеет ученую степень. Даже если в душе ты их не ставишь ни во что — держи это при себе и никому не болтай.

— П-понял, — малец втянул голову в плечи и закивал так усердно, что, казалось, эти слова навеки врезались ему в память.

Видя, что ученик осознал вину, хозяин лавки смягчился:

— Ты еще мал и жизни не видал. Сегодня он сючай, а завтра, глядишь, сдаст экзамен на цзюйжэня и станет чиновником. Ты префекта видел? Ему в ноги кланяются, лбом об землю стучат. С господином цзюйжэнем будет то же самое.

Мальчишка только теперь по-настоящему осознал серьезность дела. Префекта он в глаза не видел, но когда пробежал мимо управы и видел стражников с саблями на поясе, всегда старался держаться подальше.

— Учитель, вот ваши деньги.

— Оставь себе на сладости, — Чжу поднялся. Видя, что подмастерье всё еще бледен от испуга, он решил, что урока достаточно. — Пойду прилягу в задних комнатах. Присмотри тут, скоро закрываться пора.

Малец, получив десять вэней, мгновенно забыл про боль от пинка.

— Слушаюсь, учитель! Отдыхайте спокойно!

***

Гранатовая улица

Торговля закончилась быстро. С момента открытия до закрытия ставен прошло едва ли полчаса. Ли Чжоучжоу до сих пор пребывал в каком-то оцепенении. Всё случилось так стремительно: он только и успевал черпать лувэй, а муж принимал деньги и обменивался с покупателями любезностями. Не успел он оглянуться, как дно второго котла показалось на виду.

— На сегодня торговля окончена! Приходите завтра пораньше! — радушно объявил Гу Чжао последним покупателям.

Лавку закрыли быстро. Столы и скамьи оставили внутри — место свое, убирать не нужно. Осталось только отнести огромные котлы на кухню да закрыть ставни. Этим занялся Янь Цзиньсинь. Чжэн Хуэй стоял рядом, явно желая продолжения: он то и дело подхватывал деревянные доски и подавал их товарищу.

— Неужели и впрямь всё? — спросил он, обращаясь скорее к самому себе. — А я-то думал, еще побегаю, помогу чем...

Бегать больше было незачем. Ли Чжоучжоу отправился на кухню — мыть котлы и ставить рис.

Пора было приниматься за ужин. Днем сокурсников мужа кормили покупной едой на скорую руку, но теперь Чжоучжоу твердо решил накрыть достойный стол. Гу Чжао убрал коробку с деньгами в комнату. Считать выручку сразу не стал — сначала нужно было уделить время гостям.

Друзья устроились в главной комнате.

— Солнце еще высоко, а вы уже всё распродали, — сокрушался Чжэн Хуэй. — Я и сил-то приложить не успел.

— Я и сам не ожидал такого спроса, — признался Гу Чжао, разливая чай. — Оставайтесь на ужин, не уходите так рано.

Янь Цзиньсинь замаялся: работа закончена, не хотелось больше стеснять хозяев.

— Чжоучжоу приберег для нас миску лувэя, — с улыбкой добавил Гу Чжао.

Чжэн Хуэй тут же согласился, и Янь Цзиньсиню пришлось последовать его примеру. Пока готовился ужин, хозяин дома достал свежие выпуски «Дибоа» и раздал их друзьям. Чжэн Хуэй взглянул на официальный вестник и скривился:

— Ну и скуотища. Что там интересного?

— Я читаю это как сводки текущих дел, — невольно вырвалось у Гу Чжао. Заметив вопросительные взгляды, он протянул им лист. — Вот, посмотрите, выпуск за сорок шестой год эры Канцзин. В области Ланчжоу случились великие снегопады, тысячи людей замерзли насмерть. Ланчжоу совсем рядом со столицей, беженцы тогда толпами стояли у городских стен. Правительство издало указ: раздавать кашу, лекарства...

Чжэн Хуэй вчитался:

— Да, было такое. Но это ведь дела давно минувших дней.

— А на провинциальных экзаменах сорок седьмого года последним вопросом вцелунь (рассуждение на государственные темы) (целунь — рассуждение на государственную тему) было именно спасение народа во время снежных бедствий, — пояснил Гу Чжао.

Система экзаменов была относительно справедливой. На уровне сюэя имена скрывали — «хумин», заклеивали полосками бумаги. На уровне цзюйжэня всё было еще жестче, ведь они уже могли претендовать на государственные посты. За ходом экзаменов следили высокие чины из провинциальной администрации. Работы не только скрывали подписями, но и переписывали набело специальные писцы — «ишу», чтобы экзаменатор не узнал почерк своего ученика. За самими писцами тоже велся строгий надзор.

В академии Цинпин хранились задания прошлых лет и лучшие работы учеников. Юноша изучил их все. Составляя свою статистику, он заметил, что темы для политических эссе часто перекликаются с событиями, описанными в «Дибao» годом-двумя ранее.

— В самом деле? — удивился Чжэн Хуэй. — Может, совпадение? Случилось бедствие — вот и спросили о нем на следующий год.

— Верно, — согласился Гу Чжао. — В спокойные годы темы обычно обтекаемые, воспевающие величие Дали. Но раз уж у меня нет денег на дорогие книги, приходится изучать то, что доступно.

Янь Цзиньсинь, напротив, нашел слова друга весьма дельными. Он перестал свысока смотреть на вестники и углубился в чтение. В одном из свежих листков он наткнулся на заметку об удобрениях: говорилось, что с одного му пшеницы обычно собирают один дань и три-четыре доу, а с удобрениями — все четыре. А на рисовых полях в этом году урожай и вовсе достиг шести даней...

— Шесть даней? Да как это возможно? — воскликнул он.

Янь Цзиньсинь вырос в деревне и знал цену каждому зернышку. Он просто не мог поверить в такие цифры. И тут же вспомнил, что темой весенних экзаменов было сочинение «Основы земледелия». Гу Чжао, услышав его возглас, сразу понял, о чем речь.

— Вообще-то, этот способ удобрения полей... придумал я, — негромко сказал он.

Чжэн Хуэй и Янь Цзиньсинь застыли. Оба уставились на него с неммым потрясением на лицах.

— Клянусь, — честно добавил Гу Чжао. — На экзаменах я писал сам, опираясь на свой опыт. И то, что я рассказывал о себе раньше — правда. Моя семья — простые крестьяне, и у меня нет никаких связей с префектом.

— Брат Чжао, ну что ты! Мы и помыслить о тебе дурного не могли, — рассмеялся Чжэн Хуэй. — Темы экзаменов спускаются сверху, префект тут — лишь исполнитель. К тому же, имена скрыты.

Гу Чжао тоже улыбнулся:

— Я знал, что вы так не подумаете, но счел нужным прояснить всё до конца. Я доверяю вам, братья.

Он повернулся к Янь Цзиньсиню:

— Этот способ удобрения префект сейчас внедряет в окрестных деревнях, но пока дойдет очередь до вашего дома... Если хочешь, я напишу тебе рецепт. В июле, на каникулах, сможешь помочь своим домашним подготовить поля. Только вот каменную крошку в деревнях найти трудно, лучше купи её здесь, в городе. Мой отец вернется в июле. Если ты не будешь спешить, я спрошу его — может, он сможет завезти груз к тебе в деревню.

Глаза Янь Цзиньсиня подозрительно заблестели. Он отвернулся, справился с чувствами и, встав, отвесил товарищу торжественный поклон.

— Брат, ну к чему эти церемонии? — мягко остановил его Гу Чжао. — Мы сокурсники. Слагать оды у меня получается из рук вон плохо, так что в будущем мне не раз придется просить твоей помощи. Только не смейся над моей бездарностью.

— Договорились! — выдохнул Янь Цзиньсинь. Одно это слово стоило тысячи благодарностей.

Ужин был готов. Ли Чжоучжоу подал полный котел ароматного белого риса, миску лувэя, тарелку тушеной капусты сунцай и свежие огурцы. Дополнял стол наваристый костный бульон с тофу, сунцаем и тремя яйцами. Порции были огромными. В их доме ели из больших глиняных мисок, привезенных из деревни. Городские жители привыкли к посуде помельче, оттого соседки и называли его супруга «щедрой душой».

Ли Чжоучжоу накладывал рис горой. Гу Чжао помогал подносить блюда:

— Сидите-сидите, я сам справлюсь.

Когда юноша вышел, Чжэн Хуэй вздохнул:

— Говорят: «благородный муж должен держаться подальше от кухни», но я, право, завидую брату Чжао. Такое счастье выпало — встретить истинную половинку.

Янь Цзиньсинь не разделял этих восторгов. Ну, помогает муж на кухне, и что с того? Когда его собственная мать была тяжело больна, он сам и стирал, и готовил. Только такой обеспеченный бездельник, как Чжэн Хуэй, мог забивать голову романтическими бреднями. Раз они стали названными братьями, он счел своим долгом сказать прямо:

— Ты уже женат. Твое дело — делать карьеру, а о пустом думать некогда.

— Твоя правда... — Чжэн Хуэй не обиделся. Он решил, что на каникулах обязательно съездит домой, проведает жену и исполнит долг мужа.

— Прошу к столу!

Все блюда были поданы. Янь Цзиньсинь взглянул на свою огромную миску — такая родная керамика вызвала у него прилив благодарности.

— Ох, сколько риса... Мне столько не съесть, — закручинился Чжэн Хуэй.

— Отложи брату Цзиньсиню, — предложил Гу Чжао. — Ты еще не касался еды палочками, так что не страшно. Негоже добру пропадать.

Ужином остались довольны все. Чжэн Хуэй прямо заявил:

— Если кормить будут так же, я в следующий выходной снова приду помогать!

Янь Цзиньсинь посмотрел на Гу Чжао. Помогать-то особо было нечем, приходиться просто так — только стеснять хозяев.

— Мы всегда вам рады! — искренне ответил хозяин дома. Ли Чжоучжоу поддержал его радушной улыбкой.

Проводив друзей, супруги принялись за уборку. Согрели два огромных котла воды — в выходной нужно было как следует помыться. Когда Гу Чжао закончил, он, накинув халат, помог супругу. Конечно, без веселой возни не обошлось, но зато после бани оба чувствовали небывалую легкость.

К тому времени совсем стемнело. У Ли Чжоучжоу были густые волосы, которые он, едва просушив, перехватил лентой.

— Муженек, будем сегодня заниматься? — спросил он.

— Чжоучжоу, ты не устал?

— Нисколько! Я хочу учиться.

Гу Чжао просиял. Он усадил супруга за стол, зажег масляную лампу. Сначала повторили старое, потом он показал новый знак. Обучая Чжоучжоу, он размышлял.

«Может, стоит изменить программу? Сначала научить его счету, чтобы проще было вести дела. Арабские цифры для бухгалтерии подошли бы идеально. Будем использовать их только для себя, за закрытыми дверями. Решено — внедряем!»

Пока Ли Чжоучжоу прилежно выводил иероглифы, Гу Чжао принялся мастерить для него книгу учета. Нарезал бумагу, проставил даты, расчертил таблицы: «Закупка сырья», «Специи»,

«Выручка», «Прибыль». Последнюю графу отвел под «Прочие расходы» — дрова, уголь и прочее.

Они работали в тишине. Когда муж закончил с разметкой, он взглянул на работу супруга: знаки были крупными и старательными.

— Чжоучжоу, мне нужна твоя помощь, — Гу Чжао подошел к нему с пачкой нарезанной бумаги.

Ли Чжоучжоу невольно улыбнулся. Размяв запястья, он отложил свои записи:

— Сейчас сошью.

— А я вдену нитку! — юноша тут же отыскал игольницу.

Супруг в несколько точных стежков сшил тетрадь. Всё прибрали, договорились, что завтра начнут учить арифметику. Гу Чжао вспомнил, что они еще не считали сегодняшнюю выручку. Он достал деревянный ларец:

— Родной, иди скорее деньги считать!

Супруги сели за стол и с приятным звоном высыпали монеты. Ли Чжоучжоу уже прикидывал в уме: с одного котла за вычетом расходов должно выходить около шестидесяти вэней чистой прибыли. За два котла — сто двадцать. Минус то, что съели сами и гости — примерно четыре порции, а это двадцать восемь вэней. Улыбка на его лице становилась всё шире.

— Сколько у тебя получилось? — спросил Гу Чжао. — У меня — сто восемь вэней.

— А у меня — семьдесят четыре! — глаза Чжоучжоу сияли.

Итого — сто восемьдесят два вэня валовой выручки.

— Ты просто чудо! — Гу Чжао не удержался и принялся тереться щекой о плечо супруга. — Раз ты у меня такой мастер, значит, я теперь официально твой личный, домашний муженек на иждивении...

— Муженек, опять ты за свое, — рассмеялся Ли Чжоучжоу.

— А что? Разве я не прав? Я ведь целиком и полностью принадлежу тебе...

Настоящая «липучка», а не муж. Чжоучжоу обожал его таким. Утреннее томление, прерванное

делами, вспыхнуло с новой силой. Гу Чжао убрал деньги в ларец:

— Мы же только что монеты считали, руки в туши и пыли. Пойду принесу воды, умоюсь и тогда...

Ли Чжоучжоу, залившись краской, лишь тихонько выдохнул: «Угу». Вымыв руки и заперев дверь, они не успели дойти до постели, как одежда Гу Чжао уже полетела на спинку стула.

***

Переулок Колодцевой воды

А тем временем портной Чжао, вернувшись засветло, бережно нес миску с чем-то глянцевым. У самых дверей он столкнулся с соседом. Тот отлично знал нрав портного: старый друг не имел иных слабостей, кроме любви к вкусной еде.

— Что это у тебя там? — любопытствовал сосед.

— Да так, ничего особенного.

— Да ладно тебе! Неужто от друга таиться будешь?

— Да вот, возвращался мимо Гранатовой улицы, там лавка новая открылась — «Тушёное мясо от Ли». На, попробуй кусочек. Только один! Захочешь еще — завтра сам сходишь купишь.

Сосед отправил кусочек в рот, и его глаза округлились. Он проглотил всё разом, едва не прикусив язык. Портной самодовольно ухмыльнулся:

— Ну как? Вкусно? И недорого — всего семь монет за миску. И мясо настоящее, хоть и сделано из твоих нелюбимых свиных потрохов.

Вкус покорила соседа раз и навсегда.

— Я сейчас же бегу туда!

— Давай-давай, только поспеши. Я когда брал, уже второй котел заканчивался.

Портной Чжао поспешил в дом. Мать и жена встретили его у порога. Разве он не в академию ходил, мерки со столичных учителей снимать?

— Почему так поздно? — спросила жена. — Это в академии угостили?

— Какая там академия, — Чжао довольно зашел на кухню. — У меня просто нос как у ищейки! Возвращался назад, почуял аромат — и сразу туда. Сразу две порции взял. Кстати, что у нас на ужин? Рис поставили?

— Сварила жидкую кашу, да маньтоу в пароварке стоят. Если хочешь риса, завтра приготовлю.

— Ладно, с горячими маньтоу тоже должно быть неплохо. Обед готов? Пойду отца позову, поедим скорее.

И он припустил к мастерской. На ходу он уже планировал: надо пойти пораньше, миску вернуть и свежего лувэя купить. Старый Чжао, которого сын пригнал домой почти бегом, сменил гнев на милость, едва услышал про «новую еду». Он закрыл лавку раньше срока, и отец с сыном поспешили в дом.

— Если окажется невкусно — пеняй на себя! — ворчал старик.

— Ой, папа! У нас вкусы одинаковые, тебе понравится!

Дома женщины уже накрыли на стол. Едва первый кусочек коснулся языка старого Чжао, его лицо разгладилось.

— Такого вкуса я еще не пробовал... И жуется отлично. Что это за мясо?

— Это свиные потроха, — отец сам догадался по ходу трапезы. — Никакого запаха, ни капли горечи... Как можно так приготовить? Слышу сладость, вино... Что там еще?

А вот остальное распознать не получалось. Женщины из семьи Чжао сначала поморщились, но стоило попробовать — и предубеждения растаяли. В итоге огромная миска лувэя была вылизана дочиста.

Семья Чжао закончила ужин в полном довольстве, а вот соседскому другу не повезло — пока он добежал, лавка уже закрылась. Он буквально места себе не находил от досады, и даже во сне ему грезилось: «Завтра надо прийти пораньше...»

***

На следующий день Гу Чжао поднялся ни свет ни заря. Сбежал на улицу, купил булочек и соевого молока. Ли Чжоучжоу вчера вымотался, так что муж решил дать ему отдохнуть. Тот хоть и отдыхал, но на душе у него было спокойно.

«Кто бы мог подумать, что торговля пойдет так бойко? Если так пойдет и дальше, в день чистыми будет выходить по сто двадцать вэней. А в месяц... это же три ляна и шестьсот вэней! Даже если со временем ажиотаж спадет, два ляна серебра в месяц у нас точно будет»

Гу Чжао возвращался с завтраком, на ходу прикидывая свои дела. Свои десять вэней он мог бы откладывать.

«Буду копить, а потом куплю Чжоучжоу подарок!»

После завтрака муж отправился в академию. Ли Чжоучжоу прибрал посуду, взял деньги и отправился на западный рынок за потрохами. Хозяин Чжу уже поджидал его. Теперь потроха были аккуратно очищены и сложены в деревянные бадьи специально для «супруга Учёного». У мясника был глаз наметанный: он тут же отправил подмастерье к нему.

— Учитель, а деньги?

— Бери как обычно, — распорядился Чжу. Он решил не навязываться с подарками. Гу Чжао и его супруг — люди честные, излишнее заискивание может их только напугать.

Подмастерье споро перегрузил две бадьи потрохов в тележку и весело сказал:

— Я сам всё перелил, тебе и руки марать не пришлось.

— Спасибо, — поблагодарил Ли Чжоучжоу.

Сделка состоялась. Чжоучжоу ушел, а малец так и не решился попросить порцию для себя — помнил наказ учителя. К полудню на кухне уже вовсю томились потроха. Хозяин лавки сварил себе лапши с капустой и добавил яйцо. Нужно беречь силы.

Прибрав за собой, он добавил в котлы вчерашний соус — от долгой варки он становился только ароматнее. Когда всё было готово, он загасил огонь. Пришло время открывать лавку. Ли Чжоучжоу начал снимать доски, но едва убрал первую, как отшатнулся от неожиданности: у дверей уже стояла толпа людей с мисками!

— Наконец-то открылись!

— Ох и запах... Хозяин, мне сегодня три порции!

— Прошу всех соблюдать очередь! Сейчас принесу котлы.

В первых рядах стоял портной Чжао. Его старик-отец не выдержал: «Иди уже, бери миску да

неси еду!» Чжао пулей слетал домой. У порога он столкнулся с соседом.

— За лувэем?

— А то как же!

У лавки они увидели, что перед ними уже кто-то есть — подмастерье с западного рынка с лакированным коробом. Хозяйка мясной лавки тоже не выдержала:

— Твой учитель заладил одно и то же: «вкуснятина, всё раскупили». Не верю я, что потроха могут быть такими вкусными. Вот сама и проверю!

<http://bllate.org/book/15349/1428760>